

МАСТЕРСКАЯ

-И так, традиционный вопрос. Виталий, как вы пришли в мир карикатуры и с чего начали?

— Начинал я с Текстильного института, где учился на художника-модельера в начале 60-х, одновременно с Вячеславом Зайцевым. А потом был отправлен в армию, там в армейском клубе пребывал художником-оформителем, много чего рисовал, ну и, конечно же, карикатуры.

— Почему же именно карикатуры?

— Потому что нравилось рисовать не то, что есть на самом деле, а именно то, что бывает смешного в любой ситуации, будто даже самые трагические моменты, даже похороны — во всем ведь есть смешное, так же, как и в смешном всегда есть грустное.

Однажды, собираясь в отпуск в Москву, один сослуживец взял пачку моих рисунков и показал их в журнале "Смена". Так тридцать лет назад карикатуры мои были впервые опубликованы в мартовском номере всесоюзного журнала ЦК ВЛКСМ, и я получил первый баснословный гонорар — 24 рубля... Ну и, демобилизовавшись, конечно, пришел в "Смену".

Так началась "моя жизнь в карикатуре".

Потом я учился в Полиграфическом институте; потом был Союзмультифильм, где я делал уже самостоятельные фильмы, потом — ТВ, от которого художнику, как выяснилось, никуда не деться и где я трудился и как мультипликатор, и как художник-поста-

ВИТАЛИЙ ПЕСКОВ:

Культура. — 1997. — 30 дек. — с. 10.

Я вижу то, что не видят другие

Его руку узнаешь сразу же: всюду его вечный излюбленный типаж с нависающим носом и прилипшей к губам папироской, одна и та же безупречно найденная линия и четкая композиция. Ну, конечно, Виталий Песков, кто же еще так мгновенно узнаваем и так знаком всем нам — неужели тридцать? — представьте, уже тридцать лет! Обозревая его сюжеты, удивляешься их простоте. Его "отраженный" мир уморительно прост. Это обиталище неподражаемых в своей искренности и простоте персонажей. Они трогательны и забавны в своих причудах и заботах, они потихоньку попиваются, хитрят и лукавят, праздно шатаются, а порой и трутся, пребывают на службе или в быту среди домочадцев — все время попадая в прекрасные ситуации, на которые реагируют с обворожительной непосредственностью. Простаки, в общем. Один из них, самый главный, тот, который присутствует всюду, — недоумевающий, вечно озадаченный жизнью и — что бы он ни делал — трогательный до бесконечности. Вокруг него столь же неромантические герои — собутыльники, соседи, сослуживцы, жена, дети — такие же нескладные и мешковатые, навеки увязшие в своих нелепых бытовых передрягах. Описать эти передряги невозможно, поскольку принадлежат они именно жанру рисунка. Но смешно всегда. Рисунки Пескова разгоняют уныние, а сам Песков, озирая жизнь, никогда не откажется себе в удовольствии улыбнуться.

новщик. Выходили всевозможные передачи, оформленные мной, но и одновременно — публикации моих рисунков всюду, где только можно и где позволяли способности. В это же время были международные выставки с моим участием, премии, дипломы, кубки, приглашения за рубеж, куда никто, конечно, не вы-

пускал (невыездные мы были, художники).

В 1980 году я сделал последний фильм как режиссер и художник-постановщик "Пиф-паф-ой-ей-ей!" (театральные пародии) вместе с Гарри Бардином, после чего с ТВ ушел и с тех пор работает на волевых хлебах.

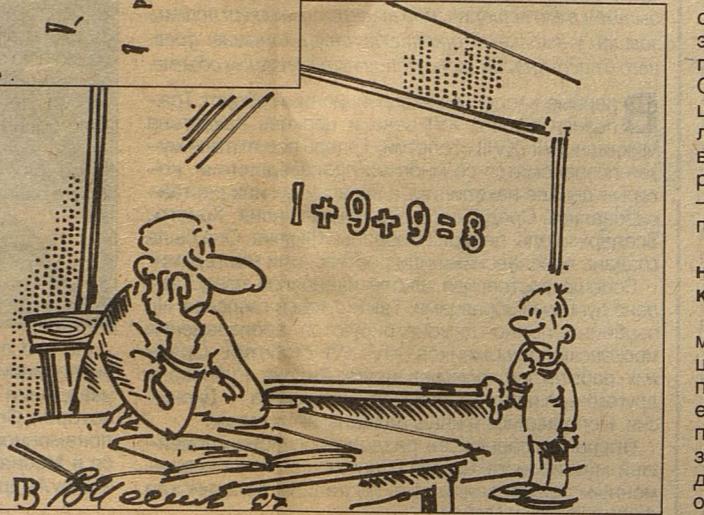
— Вы относите себя к како-

В. Песков. 1997

мую-нибудь направлению сегодняшнего искусства карикатуры?

— Я не думаю, что в нашей карикатуре есть какие-то виды и направления. Есть просто человек, художник... Вот какой человек — такие и карикатуры. Если хороший — то и рисунки его хорошие, добрые; они могут быть неумелыми, но никогда не будут пошлыми или злыми. Нет, злой человек не может быть карикатуристом, хотя есть у нас и такие, я их знаю. Но профессионал, который понимает карикатуру, всегда отличит: это делал нехороший человек. Может быть, и

В. Песков. 1997

нельзя сказать, почему нехороший, — но вот не верю я этому человеку.

— А как возникает ваш рисунок? Где вы берете ваши бесчисленные темы?

— Это все приходит с опытом. Ведь у любого творческого человека, допустим, актера, можно

спросить: ну а как вы смеетесь на сцене? Ему не смешно, а он смеется, а может и заплакать. Просто у него есть обойма приемов. Так и у карикатуристов есть свои профессиональные приемы, как из несмешной, казалось бы, ситуаций сделать смешную. В общем, это необычно. Наверное, у меня просто мозги набекрень — я вижу то, что не видят другие. Вот однажды идем мы с приятелем по улице, видим — весы, на которых прохожих взвешивают. Витька и говорит: "Вот, шельма, не бось, обвешивает!" Пошли дальше. Я ему: "Спасибо, Вить, картина мне подарил". — "Какую?" Он даже не понял, что подарил мне уже готовый сюжет. И я нарисовал человека, стоящего на весах, который требует: "Только не обвешивать!" И все.

— А где вы нашли ваш излюбленный типаж — этого мужика с длинным носом-картошкой?

— Да он обкатался в моих рисунках, как камешек на пляже. И этот его носик — все равно что кепочка в шахматную клетку у Олега Попова. Но все это не специально было сделано, а получилось само собой. Он — я его называю Коля — наш человек. Когда я рисую второго его собутыльника — то это Бывалый, а Коля по типажу — Балбес.

— Сколько времени вам нужно, чтобы нарисовать картинку?

— Я очень быстро рисую, пять минут — это максимум. Композиция видна мне сразу, и сразу представляешь себе ситуацию: если моя компашка сидит и распинает где-то за столом, то я знаю, в какой квартире они сидят, в какой комнате, какие у них обои, что за окном — я это все ви-

жу мгновенно. Вообще, зрительная память у меня хорошая. Я помню практически все свои карикатуры. Хотя их, наверное, десятки тысяч. И никогда их не повторю. Повториться может лишь техника.

— А какая у вас техника?

— Самая примитивная: за две колейки ручка, перо и тушь. А вообще, линеарная техника, одной линией рисую, ну штриховочка еще.

— На кого вы ориентируетесь, рисуя ваши сюжеты?

— На себя.

— Нет, на какого потребителя ваших картинок?

— Когда на выставке прессы продавались мои книжки, то я видел, что покупали их абсолютно одинаковые люди, определенного возраста и определенной внешности даже. Это была прослойка технической интелигенции — наверное, сотрудники каких-то НИИ... Во всяком случае, такими мне и представляются мои читатели.

— Может быть, расскажете о ваших многочисленных наградах? Я помню, как по ТВ показывали вручение премий "Золотого Остапа" с вашим участием.

— Наград у меня, правда, хватает. Много было международных — в Югославии, Италии, Болгарии. Дважды был лауреатом конкурса "Золотой теленок" "Клуба 12 стульев" в ЛГ; а "Золотого Остапа", ежегодную профессиональную премию деятелей искусства, работающих в области юмора, я действительно получил в 1995 году.

Беседовала
Ольга ИГНАТОУК